ПОСТИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС И БАРЬЕР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Интерес к изучению имперского опыта и наследия очевиден. Тематика становления, развития, проблем трансформации империй имеет обширную литературу 1 . Изучены особенности империй Нового времени (британской, французской, испанской, российской — включая СССР), динамика их трансформации. Наработан некий набор характеристик империй, противопоставляющих их другим формам государственного устройства. Сформирована «общая закономерность» развития: от империй — к национальным государствам.

Вместе с тем выявились и остаются слабо изученным ряд проблем, связанных с парадоксальной неоднозначностью имперского и постимперского исторического опыта.

Имперская парадоксальность

В отечественной — и не только — историософии империи связываются с колониальными захватами, экспансией (империализм), империалистическими войнами, угнетением народов. Имперская экспансия осуществляется с претензией на глобальные масштабы — в отличие от «нормальной страны» с государством — «ночным сторожем». Помимо стремления к экспансии в набор характеристик империй обычно включаются также: полиэтничность; наличие центра и периферии (провинций, колоний) — этим империи отличаются от унитарного государства, федерации; автократия в сочетании с бесправием населения — в отличие от демократии и гражданского общества. Не оспаривая эти квалификации, тем не менее, нельзя не признать неоднозначность, если не парадоксальность исторической роли империй.

Цивилизационная роль империй. Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Можно утверждать, что прорывы и «разливы» цивилизации в истории осуществлялись именно империями. Несомненен цивилизационный вклад Римской империи, в Новое время великие культуры оставили Британская

империя, империя Габсбургов. Даже недолгий век наполеоновской империи оставил заметный вклад: от распространения метрической системы и «кодекса Наполеона», легшего в основу ряда европейских конституций, до правостороннего движения, введенного Бонапартом в пику Британии. Даже империя Чингизидов оставила после себя не только несколько долговременных династий с определенной системой государственного управления, но и эффективную систему почтового сообщения на просторах Евразии.

Империи и толерантность. В постимперской культуре много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещения, гуманитарного развития, личностной реализации. Не случайно М. Уолцер — один из крупнейших теоретиков современного либерализма, рассмотрев все исторические формы государственности, пришел к удивившему его самого выводу, что наиболее толерантными из них были империи ². В империях представители этнических меньшинств делают политические, научные, художественные, деловые, военные и прочие карьеры, которые просто немыслимы в условиях национальных государств.

Империи и глобализация. Мало изучена (хотя и отмечена) связь империй и глобализации. Дело в том, что претензия имперской экспансии на глобальные масштабы позволяет рассматривать их как глобалистские проекты, претендующие на то, чтобы стать общечеловеческой универсальной культурой. Эти проекты выступают ростками («пробами пера») глобализации, создавая надэтническую и надконфессиональную политическую культуру. Тем самым открываются новые перспективы рассмотрения самой глобализации, ее содержания с точки зрения имперской культуры. Это тем более актуально в настоящее время, когда новые национальные государства (не только «неудачные») остро нуждаются в наднациональном патронаже для своего социального и экономического развития. В этой связи сама глобализация приобретает несколько иной смысл и глубину: она может рассматриваться как выход к общемировому цивилизационному «фронтиру». Не интегрированные на этом уровне страны и народы оказываются на обочине мирового развития. И речь идет не столько об экономике и технологиях, сколько именно о развитии социальном, о качестве жизни. Но и в этом плане именно особенности имперской и постимперской культуры оказываются ключом к пониманию современной ситуации.

Имперская культура как колыбель и background либерализма. В этой связи становится особенно понятно, почему либерализм вызрел и развился именно в контексте имперских культур Британии и Франции. США взяли этот комплекс идей уже в качестве «готового продукта». Хорошо известно, что социальной базой формирования и продвижения идей и ценностей либерализма является, прежде всего, научная среда³. И дело даже не в исторических реалиях, таких, как связь либерализма с философией позитивизма и утилитаризма. Сами эти реалии порождены глубокой и интимной укорененностью идей свободы и ответственности в научной деятельности. Нетрудно заметить, что само построение мировоззрения либерализма строится в нормативно-ценностной системе, близкой имперской: главенство закона, признание многообразия и терпимости к нему, в рамках этого закона. Кроме того, не следует забывать, что и сама наука для своего развития предполагала и предполагает мощные ресурсы, которые могли дать только империи.

Все это, кстати, было весьма наглядно продемонстрировано на примере правозащитного движения в СССР. Научнотехническая интеллигенция, по данным авторитетных и обстоятельных социологических исследований, в советское время была наиболее продвинутой («опережающей») социальной группой 4. Практически все социально-культурные нововведения (от авторской песни до оздоровительного движения и от самиздата до видео) инициировались и осуществлялись научными работниками и ИТР, занятыми в непроизводственной сфере. Свободомыслие в этой среде было наиболее аргументировано, рационально⁵, позитивистски ориентировано, в наибольшей степени тяготело к классическому либерализму, выдвинуло такие яркие фигуры общенационального масштаба, как В.С. Есенин-Вольпин, А.Д. Сахаров, С.А. Ковалев. Не случайно и такое количество нынешних успешных предпринимателей являются выходцами именно из этой социальной группы. К сожалению, в интересующем нас плане, постперестроечные реалии лишили эту социальную среду ближайших перспектив оказались подорванными сами физические условия существования этой среды, которая могла стать основой действительного возрождения страны. И дело не только и не столько в пущенном на ветер научно-техническом потенциале, сколько в

потенциале интеллектуально-нравственном, имевшейся критической массе социальной базы реформ, оставшейся невостребованной «реформаторами».

Даже такой эскизный набросок выявляет далеко не однозначную историческую роль империй и имперской культуры, ее несомненный потенциал в плане модернизации и инновационного развития. Обратимся к примерам совсем недавней истории и настоящего.

Зарубежный сравнительный опыт постимперскости: ресурс и барьер развития

В ряде исследований отмечается степень конструктивности различного имперского наследия (например, британского в сравнении с испанским и французским). И дело оказывается именно в различных культурах 6 и соответствующих «культурных барьерах» 7 .

«Загадка Эспаньолы». Л. Харрисоном детально описан «феномен Эспаньолы». В России более известно другое название этого одного из четырех Больших Антильских островов — Гаити. На нем расположены два государства: Республика Гаити и Доминиканская Республика. Остров один и тот же, климатические условия — тоже, обе страны щедро одарены плодородными землями, сельское хозяйство долгое время базируется на одной и той же культуре — сахарном тростнике, на плантациях которого трудились рабы, завозимые из Африки. Этнический состав населения обеих стран фактически один и тот же. Независимости обе страны добились в XIX столетии практически одновременно. Гаити — бывшая французская колония, Доминикана — испанская.

В первой половине XIX в. Гаити была гораздо сильнее и богаче Доминиканы, однако сегодня это самая бедная страна Западного полушария, заметно уступающая в развитии своей соседке. Упадок Гаити виден невооруженным глазом при пересечении границы по земле, но особенно — с воздуха.

Тщательный анализ показывает два решающих обстоятельства, обусловивших столь разительные отличия. Во-первых, это доминирование в Гаити анимистической религии вуду, завезенной рабами из Африки, в отличие от католической Доминиканы. И, во-вторых, жестокое обращение с рабами в Гаити французских плантаторов и администрации, после ухода которых политические режимы в Гаити тоже не отличались гуманизмом —

достаточно вспомнить таких многолетних диктаторов, как Ж.-Б. Аристид и Ф. Дювалье. Политический режим в Доминикане был более мягкий, плантаторы нередко жили в одних домах с работниками. Именно эти социально-культурные факторы, в конечном счете, и привели одну страну к превращению в одного из главных мировых поставщиков тростникового сахара и туристический центр, а другую — к национальной катастрофе.

Сингапур — ШриЛанка: ставка на постимперское культурное наследие и отказ от него. Этот «компаративистский кейс» дает не менее убедительные примеры. Цейлон, получивший при достижении независимости название «Шри-Ланка» — был любимой жемчужиной в короне британской империи. Британия сдавала этот райский уголок «под ключ». Сингапур получил независимость в составе Малайзии, и за отделение от нее не боролся. Наоборот – получившая независимость этнически однородная (малайцы) мусульманская Малайзия с удовольствием отбросила депрессивный ошметок — Сингапур, гиблый бесперспективный порт – экологическую клоаку, жители которого представляли несколько различных этносов: конфуцианских китайцев, мусульман-малайцев, индусов и небольшое количество христиан. И в течение 15 лет Сингапур под руководством Ли Куан Ю вышел к передовому рубежу цивилизации⁸. За счет чего? Прежде всего, за счет сознательной ставки на культурное наследие Британской империи: на британское законодательство, и в качестве государственного и административного языка был взят английский — вплоть до полного перевода на него системы образования, включая действовавший в колониальное время китайский университет. Это решение Ли объяснял тем, что, если этого не сделать, мы в образовании сразу будем отставать минимум на полтора десятилетия. В страну были приглашены ведущие транснациональные корпорации, что обеспечило создание рабочих мест и освоение передовых технологий. Лучшие студенты направлялись на учебу при господдержке в вузы Британии и США. В экономической политике была сделана ставка на высокие технологии и создание в Сингапуре нового мирового финансового центра. Правительство всячески поддерживало и стимулировало приобретение и строительство гражданами собственного жилья. И, наконец, национальной идеей стала чистота. Брошенные окурок, жвачка карались штрафами до тысячи с лишним долларов. Если у нарушителя не было таких денег, он их отрабатывал на уборке города. И результат был получен — в течение полутора десятков лет из нескольких этносов была создана новая нация.

В благословленной Шри-Ланке вектор развития оказался противоположным. Введение в качестве государственного сингальского языка не только существенно затормозило подготовку квалифицированных специалистов, но и дало толчок противостоянию сингалезцев и тамилов, приведшему к затяжной и разрушительной гражданской войне, правительственной чехарде. И в настоящее время Шри-Ланка представляет собой глубокую периферию мировой экономики.

И здесь постимперское культурное прошлое сыграло свою роль. В случае Сингапура сознательная ставка на имперское культурное наследие полностью себя оправдала. Во втором случае отказ от него привел к серьезным проблемам, если не к краху.

Израиль: вынужденная имперская роль. Любому, побывавшему в современной Палестине, т.е. фактически в Израиле, бросается в глаза перемешанность культур и этносов - как в пространстве, так и во времени. Храмы греко-православные, РПЦ и зарубежной русской православной церкви, коптские... Бенедиктинские и францисканские... И все рядом, в одном городе, на одной улице. Храмовая гора с эпохой на эпохе и с религией на религии. Стены из камня разных эпох. Стены храмов одной религии из камней храмов другой. Шесть христианских конфессий в храме Гроба Господня, который отпирает и запирает мусульманин из той семьи, которой это было поручено еще Саладином 800 лет назад. Последний принял это мудрое решение, справедливо предвидя, что иначе греки, католики, копты, ассирийцы и прочие передерутся из-за прав на святыню. И это при специфике еврейства, подразделяющегося даже не столько на ашкенази и сефардов, сколько на ортодоксов, светских и явный советско-постсоветский совок. Причем — во всех возрастах. Безоговорочна в этой ситуации роль и необходимость власти — надэтничной и внеконфессиональной. Только такая власть и может быть эффективной в Палестине. Оттоманская и Британская империи с этой задачей справлялись. Недаром до сих пор в Израиле пользуются турецкими законами на недвижимость. И Израиль неплохо осуществляет функции имперской власти. Но беда в том, что при этом претендует на то, чтобы быть этническим государством.

Во всех трех рассмотренных случаях речь идет о нетривиальной роли и значении имперской и постимперской культуры

в становлении и развитии современного открытого общества. Очевидно, не являлась исключением из этого ряда и культура Российской империи, символом которой стал Санкт-Петербург.

Российские «непонятки»: постимперские культурные барьеры модернизации

Проблемы, так называемые барьеры, затрудняющие выход России к цивилизационному «фронтиру», достаточно типичны для стран, вступивших на путь модернизации вслед за странами-трендами. Когда речь заходит о модернизации, следует различать внешние и внутренние факторы, способствующие или затрудняющие ее реализацию. К внешним факторам относятся обстоятельства, связанные с возможностью заимствований передовых практик, развития партнерских отношений. Если эти условия не выполнены и страна оказывается в окружении врагов, как. например, николаевская Россия накануне и во время Крымской войны, модернизация практически невозможна, и требуются какие-то сверхусилия вроде советской индустриализации, фактически обессиливающие экономику и общество.

Еще более важны факторы внутренние: создание социальной базы модернизации, образование и просвещение, формирование новой элиты, социальных институтов эффективных заимствований и реализации собственных наработок. В этом плане культурные барьеры модернизации в России сохраняют устойчивость вот уже два столетия Перечислим хотя бы главные.

Собственность. В России она до сих пор остается не развитой, как и право – ее гарант. Страна неспроста вот уже два столетия не может пройти стадию эффективного первоначального накопления. За это же время в стране 5 раз радикально менялись собственники. Сначала не только аристократы, но и интеллигенция не признали «Лопахиных». Закончилось это национализацией 1918 г. За этим последовали: раздача земли крестьянам, НЭП, а потом — «великий перелом»: раскулачивание, коллективизация... И, наконец, «прихватизация» 1990-х. И все это в исторически минимальные сроки. В результате не уважается ни собственность, ни собственник («какое оно твое», «я помню, как оно было не твоим», «я хорошо помню, как оно стало твоим»). Принципиально и то, что в России так и не сложилась реальная рыночная экономика, в которой собственность легко переходит к более эффективному владельцу. В России же вопрос о смене собственника не может быть решен без вмешательства власти.

При этом сама власть выступает не столько гарантом защиты собственников, сколько в качестве главного собственника, активно делящего и переделивающего собственность других.

Города. Российские города возникали и развивались не столько как центры ремесел и торговли, сколько как опорные пункты власти. При этом само производство осуществлялось на преимущественно казенных мануфактурах. Основные работники — крепостные, а управляющие — либо также крепостные, либо откупщики, не имевшие права покупать работников.

Социальная база модернизации. В России на протяжении всей ее истории попыток модернизации, инноваций и «догоняний-перегоняний» оказывалась не буржуазия и средний класс, а чиновники и прочие «служилые люди». Образованное сословие не включено в непосредственный процесс производства.

Идеология. Особенно остра и парадоксальна применительно к современной России тематика постимперского наследия. С одной стороны, в политической риторике проявляются новые имперские амбиции, отказ от «нормальной истории», поиски «особого пути» («Проект Россия», евразийство и пр.). Риторика экспертов дополняется агрессивной пропагандой и политическими действиями, ведущими ко все большей изоляции страны, поисками и созданием «врагов»: Прибалтика, Грузия, Украина, на очереди Белоруссия... И это не просто «фантомные» боли. Дело идет к формированию мобилизационного общественного сознания на основе запугивания и идеи некоего «реванша», подготовки молодежи на пушечное мясо. Одновременно, с другой стороны, демонстрируется явная растерянность и противоречивость высказываний на эту тему сторонников либерализма, хотя сам либерализм возник именно в имперском общественном сознании и порожден соответствующими культурами. Несмотря на то, что либерализм был представлен яркими фигурами и в научной среде, и среди высших чиновников, и среди офицерства, он оказался слишком слабым и невостребован российским обществом. Эта невостребованность идей свободы и ответственности продолжается в наши дни. Кто сейчас, кроме специалистов, читает П.И. Новгородцева, П.Б. Струве, ныне практически забытых Б.Н. Чичерина, А.А. Козлова, Б.А. Кистяковского? Русский либерализм остается до сих пор малоизвестным. Более того, либерализм был в советское время открыт заново правозащитным движением, но вновь оказался невостребованным обществом. Личное подвижничество, преследования, моральный авторитет привлекли общественное внимание, но не пробудили интереса к содержанию идей. Почему? Подозреваю, потому что... скучно. Требуется работа ума и души, терпимость, не подвиг, а праведная жизнь. То ли дело родимое «не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься»! Идея свободы, понимаемой как ответственность за свои решения и поступки, не вызывает энтузиазма, в отличие от неограниченного произвола во имя декларируемой великой благой цели. Однако невостребованность российского либерализма, перспективы его укоренения в российском духовном опыте — особая тема, заслуживающая самостоятельного и обстоятельного разговора. Новый российский либерализм стоит перед серьезной задачей выработки отношения к имперскому наследию: сознанию и культуре.

Российские непонятки: постимперское культурное наследие как ресурс инновационного развития

Поиск конструктивного содержания постимперского наследия затруднен несообразностями в концептуальном и идейном аппарате такого поиска и осмысления. А путаница понятий ведет в тупики несостоятельности политического дизайна и его наполнения.

Например, во внутренней политике: современная Россия это переходная форма к нации-государству? Или к многонациональному — чему? Неспроста федерализм оборачивается то этнофедерализмом, то декорацией унитаризма.

В этой связи показательно и поучительно сравнение имперского опыта дореволюцонной России и СССР. Национальная политика в Российской империи строилась на культивировании русской нации, включавшей в себя великороссов, украинцев и белорусов. Этот суперэтнос позиционировался в империи как доминирующий. Остальные этносы воспринимались как подлежащие «окультуриванию» и ассимиляции. Культурная автономия, традиционные институты (религия, образование на родном языке, общинная самоорганизация) допускались, но периодически ограничивались. Ярким примером может служить царская политика относительно еврейства.

Советская национальная политика строилась радикально иначе — на заигрывании с национализмом: как во внешней, так и во внутренней политике. Ленин призывал к поддержке на-

ционализма угнетенных и борьбе с великорусским шовинизмом. Это уже Сталин перешел к борьбе с национализмом на Кавказе и в Средней Азии, к нараставшему антисемитизму при подчеркивании ведущей роли русского народа. Показательно, что партия, начинавшая свой путь как интернационалистическая, становилась все более националистической, и заканчивает свою историю на позициях откровенного шовинизма.

Одновременно развязывались руки для внешнеполитической игры на так называемом «интернационализме». ВКПб-КПСС делала во внешней политике ставку на поддержку национально-освободительных движений «угнетенных народов», одновременно связывая их с исторически преходящим характером наций. При этом допускалась возможность консолидации наций при социализме в рамках единого государства. Поэтому СССР иногда квалифицируют как «империю положительного действия» Действительно, СССР оказался первой в мировой истории реализацией модернизационного проекта с поощрением этнонационализма.

Это выражалось в поощрении развития национальных форм. Речь идет не только о знаменитой формуле советского искусства как «национального по форме и социалистического по содержанию». Это было сознательное формирование так называемых «социалистических наций». Под союзные республики отдавались целые регионы, вошедшие в состав Российской империи огромной ценой усилий многих поколений — как это было с Казахстаном, Украиной, Литвой, Туркменистаном, Чечней. Создавались национальные округа, советы, колхозы и совхозы... Они наделялись экономическими ресурсами. Строились административные центры. Тормозилась, а потом и вовсе прекратилась русская сельскохозяйственная колонизация на Кавказе, в Средней Азии, Казахстане. Развивались национальные культуры, языки, письменность. Формировались национальные элиты. При этом все названные действия были не вынужденными уступками, а сознательными государственными проектами и программами.

Фактически унитарное государство было структурировано в дизайне многоуровневого федерализма «суверенных наций», да еще и с записанным в Конституции правом наций на самоопределение. И за десятилетия закрепились территории, административные национальные элиты. Собственно, это и взорвало СССР, когда пустая форма дизайна наполнилась реальным содержанием. Развалили советскую империю именно национальные административные элиты, почувствовавшие все прелести суверенитета и дипломатического паркета.

Опыт национальной политики СССР — убедительный пример того, от какого исторического опыта и наследства надо отказываться. К сожалению, это плохо понимается обществом и политиками. Даже в Конституцию РФ попала советская формула о России как многонациональном государстве! Это бомба, подведенная под самый фундамент конституционного строя. Получается, что граждане РФ не образуют национального единства, не являются государственной нацией, в которую входят ее народы. В результате десятилетий советской пропаганды и идеологических формул народы и этносы называются нациями, хотя даже в сталинском определении нации записана государственность. И если каждый народ РФ оказывается нацией, то он вправе образовать свое государство, и РФ не имеет будущего. При этом единственно адекватная формула РФ как многонародной нации вызывает недоумение. Отождествление нации-государства и нации-этноса — не просто теоретическая ошибка, а большая политическая беда.

Это наследство политической культуры советской империи ведет в тупик, так как оставляет анализ и принятие важных решений без реального понимания ситуации и перспектив. Именно это случилось с российским демократическим движением в 1990-х годах.

Примером одного из ответвлений этого тупика являются уже современные разговоры о так называемом кризисе идентичности граждан современной России. Дело в том, что дилемма «империя — нация-государство» оказывается несостоятельной с точки зрения культуры и идентичности: все империи (включая Россию и СССР) уже были в той или иной степени государственными нациями. Собственно, такими же национальными государствами со своим государственным национализмом были и Британская, и Французская, да и любая другая империя. Исторический опыт показывает, что нация и национальная идентичность возникают только в обществе, прошедшем модернизацию, которая, в свою очередь, предполагает новый тип личности 11.

С точки зрения национальной идентичности, в принципе, не так уж и важно — какую форму имеет государство: империя, федерация или унитарная республика. Важно конкретное наполнение национальной идентичности. В нашем случае — «россий-

скости». И это уже является делом конкретной социальной политики и технологии. Можно сколько угодно высмеивать формулировку «новая историческая общность — советский народ» и припев песни «мой адрес не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз», но такая идентичность была. И именно ее утрата порождает дискомфорт в сознании носителей этой идентичности¹², все еще сохраняющей свой консолидирующий потенциал, пренебрежение которым, а тем более высмеивание его порождает не только дискомфорт, но и социальное напряжение, тогда как понимание его природы и возможностей может выступить мощным ресурсом инновационного развития.

Кстати, представительные опросы показывают, что гражданам РФ свойственна именно персонология, основанная не столько на этнической или статусной идентичности, сколько на ролевой и даже проектной 13. Более того, отмечается даже неприятие этничности¹⁴. Обусловлено это, по мнению исследователей, тем, что для российской национальной культуры характерна именно конвенциональная внеэтничная идентичность, предполагающая принятие единых правил поведения — определения «русскости» не по этничности и даже не по вере, а по культуре и отношению к России. Для Россиян ведущую роль играет идентичность с такими общностями, как семья, друзья, земляки, люди того же возраста, профессии, а особенно – с людьми тех же взглядов (25 - 26%), «советскими людьми» (49 - 52%) и даже – всеми людьми планеты $(59 - 62\%)^{15}$. По мнению Н.Е.Тихоновой, именно это объясняет легкость ассимиляции российской эмиграции без образования диаспор и, одновременно, болезненное отношение к мигрантам, образующим обособленные диаспоры и живущим в них по своим правилам, игнорируя традиционные нормы российской культуры¹⁶. Вот оно — эмпирическое подтверждение роли постимперского культурного наследия!

Отвечая на вопрос — что было самым трагическим событием в отечественной истории XX века, только ¹/₄ опрошенных назвали распад СССР. По значимости его заметно опередили Великая Отечественная война, сталинские репрессии, война в Чечне. В одном ряду с распадом СССР для россиян — война в Афганистане, Чернобыль, и лишь немного отстали коллективизация и раскулачивание¹⁷. А среди самых больших достижений нашей страны в XX веке — создание СССР упомянули только 28%. Гораздо значимее оказались ликвидация неграмотности, создание мощной промышленности, бесплатная медицина, освоение космоса¹⁸.

Более того, почти половина россиян (причем относительно более «продвинутая» и перспективная по критериям возраста и образования) не чувствует себя гражданами России, а великодержавный дискурс вообще неактуален для 3/4 городского населения¹⁹. Анализ же опросов населения показывает, что гражданам РФ свойственна апелляция не столько к имперскому прошлому, сколько к утрачиваемой имперской культуре. СССР воспринимается большинством россиян не столько через государственническую, сколько через социально-экономическую призму, как первое государство в истории страны, которое обеспечило справедливость для простых людей и сделало для них возможной приличную жизнь. Даже СССР брежневского времени ассоциируется у них, прежде всего, с социальной защищенностью, с успехами в образовании, науки и технике, с доверием между людьми, с жизнерадостностью. Ностальгия по СССР связана в первую очередь с тем образом жизни, который с ним ассоциируется, с его достижениями в экономике, социальной и гуманитарной сферах, а не с ролью сверхдержавы, противостоящей «американскому империализму»²⁰. Доминирующей оказывается не политическая, а социально-гуманитарная составляющая. Причем отмеченные установки и оценки очень устойчивы: в 1995, 2001, 2004 годах они совпали с точностью до 1%.

При этом по данным тех же опросов, перспектива одинокой России вызывает у граждан чувство опасности. Они оказываются заинтересованными во вхождении России в глобализированное мировое сообщество, а не в ее изоляции²¹. Россиян «волнует не сама по себе утрата Россией статуса великой державы, а движение страны "не по тому пути", не позволяющее им в полной мере идентифицировать себя со своей страной... И хотя россияне действительно хотят видеть Россию великой державой, это значит для большинства из них не бряцание оружием или поиск внешних врагов России, а экономическое процветание страны, развитие образования, науки, культуры, уважение к ней со стороны мира как к одной из наиболее "продвинутых" стран, возможность уважать самих себя как ее граждан и, самое главное, возвращение страны к тем целям и ценностям, которые разделяются большинством населения и которые позволили бы россиянам снова ощущать себя частью единой и могучей общности. Достичь же этих целей, восстановить единство общества можно в современном мире, лишь двигаясь по пути модернизации, способной сделать Россию конкурентоспособной на мировой арене, а отнюдь не на путях возрождения имперских амбиций»²².

Таким образом, «имперский синдром» надуман так же, как и «кризис идентичности». За так называемым «имперским синдромом» реально стоит не ностальгия по империи, а желание качественного иного уровня жизни, справедливости.

В реальности, речь идет фактически о проблеме личностной самореализации в новых цивилизационных условиях, о несоответствии российской реальности массовым ожиданиям населения, готового к самореализации на основе новой персонологии и культурной интеграции в мировое сообщество.

А такое несоответствие видно невооруженным глазом. Роль государства в экономике понимается как мобилизация ресурсов для некоей «новой мощи», но никак не наращивание конкурентоспособности. Отсутствует рациональная стратегия освоения новой географии (транспорт, размещение производств, трубопроводов, развитие курортного дела, туризма), ведущая к развитию полноценной инфраструктуры. Вместо этого мы имеем амбициозные проекты зимних олимпийских игр в Сочи, неадекватные затраты Газпрома (на футбольные клубы в России и за рубежом, на строительство странных зданий...). Социальная политика в плане развития человеческих ресурсов, человеческого капитала, повышения качества жизни, социальное и гуманитарное развития понимается чисто затратно²³, финансируется по остаточному принципу, а люди понимаются только как мобилизационный материал. Именно отсутствие вменяемой государственной политики, рынка доступного жилья, механизмов общественного саморегулирования, легализующих и упорядочивающих приток рабочей силы и специалистов и порождают проблемы, социальную напряженность. В результате возникает парадоксальная ситуация. При нехватке ряда специалистов и неквалифицированной рабочей силы создаются административные препоны миграции, формируется негативное общественное мнение («понаехали тут»). Более того, если в дореволюционную Россию стремились приехать молодые, талантливые специалисты, то теперь основной приток иммиграции составляют неквалифицированные работники, а собственные наиболее квалифицированные специалисты уезжают из России именно в силу непривлекательности и бесперспективности условий труда на Родине.

Отсутствует внятная и вменяемая политика по отношению к соотечественникам за рубежом. Проблема сохранения и развития «русского мира» декларируется, но не переводится в план технологии решения, в том числе — проблемы (им)миграции. Между тем, культура и язык выступают мощным ресурсом консолидации элит, неполитической интеграции.

Также и тезис о «великодержавности» России сталкивается с проблемой: в современном обществе величие страны определяется не столько размерами, ресурсами и военной мощью, сколько ее «престижем», привлекательностью для «новых людей», человеческого капитала, являющегося трендом развития общества. Даже членство России в «Восьмерке» является усеченным, выглядит натужным. И дело даже не в экономическом спаде, утрате части территории. В наши дни критерии «величия» изменились. На первый план вышли критерии качества жизни, социальной привлекательности страны, которые оказываются важнее ее военного потенциала или энергетических ресурсов. КНДР имеет армию, одну из крупнейших в мире, определенный ядерный потенциал, а Саудовская Аравия, Венесуэла — богатейшие запасы углеводородов. Но говорить об их великодержавности не приходится. Содержание идеи великодержавности уместно сравнить с брендом страны, который складывается из имиджа и репутации, т.е. выражающих обещание реализации неких надежд и чаяний. Дверью в царство какой мечты является современная Россия?²⁴

И во всех этих случаях опять речь идет о ресурсе постимперской культуры для решения вопросов качества жизни и соответствующей социальной политики, без решения которых невозможны ни внутренняя, ни внешняя политика современной России. Приходится констатировать, что в общественных дискуссиях об «империи» говорится преимущественно метафорически, на уровне идеологической мобилизации, но не решения практических вопросов. Так от какого конструктивного наследства отказываются наши «модернизаторы»?

Петровская идея в российской истории и культуре

Российское общество активно (если не отчаянно) ищет в своей истории «точки опоры». Для этого предпринимаются даже специальные усилия по разработке «российской идеи», проводятся конкурсы «брендов России» и т.п. И постепенно из этого вороха слов и пены политизированных споров отстаивается в памяти

общества некий «сухой остаток» событий, исторических лиц, фигур, их деяний. И бесспорной фигурой такого пантеона является Петр I, сыгравший ключевую роль в российской истории.

С особой очевидностью это предстало на прошедшем 28—29 мая 2009 г. в Санкт-Петербурге Конгрессе петровских городов. В этом масштабном событии (около 400 участников) принимали участие представители органов власти и ученые отечественных (124) и зарубежных городов (48), связанных с деятельностью Петра Великого: от основанных им Омска, Петрозаводска, Перми — до Лондона и Амстердама — конечных пунктов его «великих посольств». Вот где предстал воочию масштаб личности первого российского императора и его дел!

Более того, по итогам Конгресса (в представленных докладах и при их обсуждении) Петр I предстает фигурой, заполняющей зияющее пустотой «свято место» русской культуры. Дело в том, что в русской, да и во всей славянской мифологии отсутствует «культурный герой» — персонаж, аналогичный Прометею в древнегреческой мифологии или Вяйнемейнену в «Калевале» — том, кто научил труду, конструктивной деятельности по обустройству и переустройству окружающей действительности. И Петр — человек Дела — Первый везде и во всем, Великий в своей неуемной преобразовательной активности, действительно, оказывается первым русским корабелом, мореходом, строителем, библиотекарем, музейщиком и т.д. и т.п. — основателем целых отраслей, городов и поселков, вошедшим в местную и региональную мифологию, фольклор, что, несомненно, соответствует этой роли «культурного героя».

Между тем, с фигурой Петра I связаны и в ней воплощены, персонифицированы такие ценности, как дерзновенное позитивное, конструктивное преобразование России; просвещение, образование и наука; открытость Российского общества, освоение передовых эффективных практик и одновременно— интеграция России в мировую цивилизацию. Все эти ценности более чем актуальны и в наши дни, что делает, тем самым, Петра Великого одним из олицетворений, если не главным олицетворением, «брендом», «имиджем», «символом» современной России, вступающей в новый виток инновационного развития. Более того, Петр I является привлекательной и понятной фигурой для европейского сообщества, активно хранящего память о преобразователе и цивилизаторе России. Петр I мирит Россию с Европой. Там он понятен. Это видно на

примере отношения к памятникам в Прибалтике и в других странах: монументы Советским Солдатам, советским лидерам подвергаются критике, переносам, а то и ликвидации, тогда как памятники Петру Великому, памятные знаки, посвященные ему, сохраняются и даже создаются новые.

В этом смысле можно говорить о некоей «петровской идее», сохраняющей актуальность и для современной России, а возможно, и выходящей в наше время на первый план. «Петровская идея» это идеи не только собственно Петра I, но и его окружения, времени, выражение нашего осмысления петровского наследия²⁵.

Дерзновенное преобразование («дерзновению подобно», «невозможное возможно»). Речь идет не об утопическом проекте, разрушающем среду обитания, человеческие ресурсы и личность, а о конструктивном рациональном преобразовании общества, преодолении традиционных «барьеров» развития, выходе общества к новым горизонтам и качеству жизни. Мощный «петровский импульс» стал решающим фактором развития страны во всех сферах жизни российского общества, вывел Россию на уровень «фронтира» мировой цивилизации.

Просвещение (образование и наука) и труд. «Царь-плотник», «царь-труженик» личным примером показывал важность, как сказали бы сейчас, «приобщения к инновациям», освоения самого передового опыта, мастерства в любом деле, уважения к науке и образованию, успешному опыту других народов и государств. Его неутомимая активность была направлена на разумное, рациональное обустройство жизни общества в самых разных сферах, на создание новой просвещенной элиты, способной решать задачи преобразования страны. И это были не временные кампании, а кропотливая работа по созданию новых норм, социальных институтов, структур, отбор лучших и эффективных специалистов и лидеров своего дела в России и за ее пределами, их поддержке. И, как известно, на призыв Петра I «образовываться» через 100 лет Россия ответила явлением А.С. Пушкина. Петровская «прививка» России европейской культуры оказалась болезненной, но дала мощнейший импульс развитию страны, плоды которого пожинаются до сих пор. И не дать затихнуть маятнику, раскачанному Петром I, — задача современной России.

Имперское культурное наследие как потенциал открытого общества. Петр I- создатель Российской империи, открытой миру не только своей экспансией и заботой о «приращении зе-

мель», но и своей ролью цивилизатора огромных территорий Евразии, интегрирующей ее народы и культуры, открывающей эти народы и культуры миру. И эту историческую роль Российской империи умалить никак невозможно.

Личностиное измерение. Речь идет не только о «трагическом одиночестве великого реформатора», но и о гражданском и личностном подвиге Петра Великого, на котором могут и должны учиться поколения и поколения российских граждан — «неразумных детей петровых». И каков был личный проект самого Петра Алексеевича? Ведь он, как личность, также менялся: в своих установках, взглядах, оценках. Достоин специального внимания «петровский менеджмент»: опыт управления Петром I страной, конкретными проектами, опыт организации взаимодействия различных сословий, формирования новой управленческой и интеллектуальной элиты, как, впрочем, достойны изучения и сами представители этой новой российской элиты).

Таким образом, речь идет о комплексе идей, которые сохраняют свою важность и актуальность для развития современной России. И это чрезвычайно целостный в идейно-смысловом плане комплекс. Петр Великий открыл новые горизонты и векторы развития России: «от Москвы — к морю». Он не занимался «перестройкой Москвы», а строил новую Россию, «демоверсией» которой стал Санкт-Петербург. И где оно — новое «море» современной России? Это нанотехнологии? Космос? Тихий океан? Арктика? Как найти свое «море» в каждом городе и деревне?

Современность как постимперскость

Очевидно, что национализм, и даже нацизм, в пост-СССР— неизбежные издержки в процессе постимперской модернизации. Этакая ослабленная форма германской эволюции. Да и аналогии напрашиваются. И за этим, что тоже похоже, очевидно, следует кризис демократии, некий «нео-империализм», выражающийся в объединении государств в большие группы, аналогичные восьми «цивилизациям С. Хантингтона. Фактически, речь идет о новой политической структуре мира. Только надо отдавать отчет в том, что речь идет не о новых империях, а именно об интеграции пост-имперских культур, о формируемых на этой основе мировых «культурных автономиях».

Такой прогноз подтверждается хотя бы в формировании институтов мирового гражданского общества в виде над-государственных (а точнее, транс-государственных или кросс-госу-

дарственных) некоммерческих общественных организаций. Это не только «Гринпис», «Красный Крест», «Врачи без границ», «Международная амнистия»... Таких организаций уже более 5000. И большинство из них довольно успешны и влиятельны, не только в решении своих специальных задач, и в выработке, принятии и реализации серьезных политических решений.

Таким образом, прослеживается ряд тенденций мирового развития, в которых существенную роль играет фактор постимперских культур:

- Активно проявляется культурно-этническая идентичность. Этот процесс обычно трактуется как нарастание национализма, ведущего к дивергенции мирового сообщества. Такая трактовка представляется не только не точной, но и ведущей к серьезным политическим просчетам. Если это и национализм, то «советского типа». Современная мировая практика убедительно показывает, что такой «национализм», «парад суверенитетов», совсем не ведет к реализации полномасштабного суверенитета. Мировая экономика, международный политический процесс, интенсивнейшая социальная коммуникация не оставляют такие государства наедине со своим суверенитетом. Они просто логикой событий ищут союзников, покровителей, блокируясь с ними. Причем, чаще всего, по линиям культурно-исторической интеграции.
- Тем самым реализуется другая тенденция «нео-постимпериализм», не исключающая, а предполагающая и дополняющая предыдущую. Более того, формирующиеся мировые постимперские культуры дают странам и отдельным личностям, носителям этих культур, дополнительную жизненную компетентность.
- Логическим продолжением этих тенденций является формирование мирового гражданского общества, когда новые «граждане мира», имеющие различные национальные гражданства и этническую принадлежность, объединятся для решения общих проблем. Тем самым открывается перспектива выхода из тупика «глобализм национальный изоляционизм», к новой интеграции и цивилизационному развитию. Выявляется и несколько иная роль государства не рантье, а оптимизатора природных и человеческих ресурсов российского общества на основе соответствующей социальной политики.

В современных условиях выбор инновационного развития и его траектории не может определяться только личностными предпочтениями и интересами правителей, но должен опираться на ценности общества. Тогда задача будет видеться в том, чтобы выразить эти ценности и интересы. А это уже предполагает общественную дискуссию, независимые СМИ. В артикуляции и продвижении (лоббировании) интересов должны участвовать не только бизнес, но и гражданское общество, организованная общественность, отдельные граждане. Иначе «инновация» превращается в манипулирование, решение узко корпоративных проблем и разрастание коррупции, что, собственно, и происходит в России последние два десятилетия.

Проведенное рассмотрение показывает, что осмысление имперского культурно-исторического наследия открывает новые перспективы и измерения современности. Прежде всего, требуется дальнейшее исследование постимперских культур, ресурсов и барьеров развития, создаваемых ими: институтов, структур, стереотипов, общественного сознания, форм самосознания... Что из них уходит? Что опасно, а что открывает окна возможностей развития? Какие в этой связи открываются перспективы новой персонологии и идентичности, новой дополнительной жизненной личностной компетентности в глобальной интеграции? И главное — выработка на этой основе соответствующей социальной политики и гуманитарного развития, качества жизни, справедливости, реализации этого социально-культурного и личностного потенциала, переход от государства-рантье к государству-оптимизатору природных и человеческих ресурсов.

Представляется, что Россия в этом контексте предстает удачным и чрезвычайно важным полигоном исследований и наработок, открывающих выход из тупика «глобализация — национальная изоляция» к полноценной интеграции в мировое сообщество, к фронтиру современной цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, только работы последних лет: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. — М., 2006; Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. — М., 2008; Каппелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. — М., 2000; Наследие империй и будущее России. — М., 2008; После империи. — М., 2007; Российская империя в зарубежной историографии. — М., 2005; Российская империя в сравнительной

перспективе. – M., 2004; After Empire. Multiethnic Societies and Nation-building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires. – Boulder, 1997; Doyle M. Empires. – Ithaca; N.Y., 1986; Empire and Society. - Sapporo, 1997; The End of Empire? The transformation of the USSR in Comparative Perspective. – Armonk; N.Y., 1997; Hirsch F. Empire of Nations, Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. – Ithaca; L., 2005; Imperial Formations and Their Discontes. – Santa Fe, 2007; Imperial Rule. – Budapest, 2004; Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire. – Sapporo, 2006; *Lieven D.* Empire. The Russian Empire and its Rivals. – L., 2000; A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. – Oxford, 2001; Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during the World War I. - Cambridge, Mass., 2003; Motyl A. Imperial Ends. The Decay, Collapse and Revival of Empires. – N.Y., 2001; On Religion and Empire. Missions, Conversions and Tolerance in Tzarist Russia. – Ithaca; L., 2001.

² См.: Уолцер М. О толерантности. — М., 2000.

³ См.: Тульчинский Г.Л. Наука и культура толерантности // Философская и правовая мысль. Вып. 3. — Саратов; СПб., 2002. — С. 105 — 113.

⁴ Художественная культура и развитие личности. — М., 1987.

⁵ В этом плане специального внимания заслуживает роль советского логического научного сообщества и распространения логического образования, интереса к методологии науки (см.: *Тульчинский Г.Л.* Логическая культура и свобода // Философские науки. 2009. № 4. – С. 46 – 61).

⁶ См.: Hofstede G. Culture's Consequences. — L.: SAGE Publications, 2001; Culture Matters: How Values Shape Human Progress / ed.by L. Harrison, S. Hantington. — N.Y.: Basic Books, 2000; Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. — М.: МШПИ, 2002; Харрисон Л. Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. — М.: Новое излательство, 2008.

⁷ См.: Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. — М.: ГУ-ВШЭ, 2009.

⁸ См.: Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира — в первый. — М.: МГИМО, 2005. Также см.: Тульчинский Г.Л. Сингапур: персонфицированный менеджмент успешного проекта нации // Управление: интеллект и субъективность. — СПб.: СПб ГПУ, 2002. — С. 39 — 40.

 9 Подробнее см.: *Ясин Е.Г., Снеговая М.В.* Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры.

10 Наследие империй и будущее России. – М.: НЛО, 2008.

Это подтверждается и российской историей конца XIX — начала XX вв., когда одновременно интенсивно шли как процессы формирования национального самосознания, так и процессы ассимиляции.

¹² Социальная база этой идентичности достаточно широка. Это не только пенсионеры, бюрократы, силовики, «патриоты», но и «бюджетники» (включая ИТР, ученых), часть молодежи.

¹³ См.: Тихонова Н.Е. Наследие империи в общественном сознании россиян // Наследие империй и будущее России. — М.: НЛО, 2008. — С. 122 — 131. О новой персонологии см. подробнее: Тульчинский Г.Л.

Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. 2009. № 4. — С. 41 — 56.

- ¹⁴ См.: Тихонова Н.Е. Наследие империи в общественном сознании россиян. – С. 128 – 130.
- 15 См. там же. С. 124 125.
- ¹⁶ См. там же. С. 128.
- ¹⁷ См. там же. С. 106.
- ¹⁸ См. там же. С. 107.
- ¹⁹ См. там же. С. 122 123.
- ²⁰ См. там же. С. 106 107.
- ²¹ См.: Кустарев А.С. После понижения в должности Британия, Франция, Россия // Наследие империй и будущее России. М.: НЛО, 2008. С. 213 214. Показательно, что в тесте на положительные ассоциации, предложенном в 2007 году, 72% российских респондентов отметили Европу (для сравнения: только 51% Азию) (см.: Тихонова Н.Е. Наследие империи в общественном сознании россиян. С. 114 115).
- ²² См.: Тихонова Н.Е. Наследие империи в общественном сознании россиян. С. 131 132.
- ²³ Факт, что Нобелевские премии по экономике последние 15 лет присваивались именно за разработки по социальной политике, проходит мимо внимания российского правящего класса.
- ²⁴ Подробнее об этом см.: Tulchinsky G.L. Russia's Brand as a Problem and Dream // Russian Journal of Communication. Vol. 1. № 2 (Spring 2008). P. 220 222.

Аннотация

Ключевые слова: глобализация, идентичность, инновации, постимперская культура, социальная политика.

Современная постимперскость двойственна. С одной стороны, это инерция постимперского культурно-исторического наследия. С другой — нации-лидеры и слабые государства устремлены к новой интеграции, дающей выход к новому глобализированному фронтиру цивилизации. Культура глобализированного мирового сообщества несет отчетливые черты, свойственные именно культурам имперского типа. Роль и значение постимперской культуры в развитии современного общества нетривильны: несомненный конструктивный потенциал открытого общества, инновационного развития; дополнительная жизненная компетентность и конкурентные преимущества ее носителей. Задача — во внятном и вменяемом отношении к этому наследию и опыту, в способности рационально ими распорядиться.

Summary

Keywords: Globalization, identity, innovations, postimperial culture, social politics.

Modern post imperial culture is dual. On the one hand, it is inertia of a post imperial cultural-historical heritage. On the other hand, the nations-leaders and the weak states are directed to the new integration giving an exit to new globalized frontier of a civilization. The culture of the globalized world community has the distinct lines peculiar to cultures of imperial type. A role and value of post imperial culture in development of a modern society is nontrivial: doubtless constructive potential of an open society, innovative development; additional vital competence and competitive advantages of its bearers. A problem - in the distinct and made relation to this heritage and experience, in ability it is rationally to dispose of them.